

Имя ИАО

Чарльз Кинг

Предисловие переводчика

Чарльз Кинг (Charles King), автор бестселлера последней четверти девятнадцатого века – «Гностики и их наследие» (“The Gnostics and their Remains”), увязывает раннехристианскую, или гностическую, доктрину с эзотерическими учениями и символизмом более древних и «смежных» религий. Е.П. Блаватская в многочисленных и чрезвычайно благожелательных упоминаниях о гностиках в своих работах неоднократно цитировала этого выдающегося ученого и теософа, одного из немногих энтузиастов своего времени, пытавшихся словно повернуть вспять времена как «прогрессирующего позитивизма и вульгарного материализма», так и периодически возвращавшиеся и сменявшие их времена оголтелой церковной ортодоксии.

Но если почти все книги Блаватской уже переведены на русский язык и в массовом порядке издаются в России, то до Кинга не только никак не доходила очередь – его вообще мало где упоминали, говоря об исследователях христианского Гнозиса и «гностицизма», что, конечно, является огромной несправедливостью по отношению к этому человеку и его литературному наследию! Ведь именно с работ этих двух авторов ведет свой отсчет возрождение интереса образованной публики к гностической тематике (не забудем, что латинский перевод с коптского языка первого из чудом сохранившихся аутентичных гностических текстов, вновь обнаруженного еще в конце 18-го века, длинного трактата под названием Pistis Sophia, осуществленный в 1851 году, за 30–35 лет до выхода в свет «тематических» трудов Кинга и Блаватской, прошел почти незамеченным в читательской среде). Ниже мы приводим полный русский перевод (ранее опубликованный в журнале «Святой Грааль» лишь частично) одной из глав его упомянутой выше знаменитой книги, написанной еще на «полуархаичном», и оттого таком захватывающем своего читателя английском, и в одном только 1887 году, 120 лет назад, выдержавшей два издания в Нью-Йорке и Лондоне.

Публикация полной версии перевода главы об ИАО именно в этом номере ИО ПАНа актуальна еще и потому, что только что подписан в печать наш новый русский перевод трактата Pistis Sophia, где есть ссылка на него (а в приводимом фрагменте, в свою очередь, упоминается Pistis Sophia).

ИМЯ ИАО

Диодор Сицилийский, перечисляя различных законодателей античности, говорит: «Среди евреев Моисей высказывал претензии на то, что Бог, называемый Иао, дал ему его законы». И это высказывание было объяснено замечанием Климента Александрийского о том, что еврейский Тетраграмматон, или Мистическое Имя, произносилось как IAOU и означало «Тот, кто есть и будет». Феодорит утверждает, что те же четыре буквы произносились самаритянами как IABE (Йаве), а евреями – как ИАО. Джером, исходя из Восьмого псалма, говорит: «Имя Господа» в еврейской среде включает в себя четыре буквы: Йод, Хе, Вау, Хе, которое, собственно говоря, и является Именем Божьим и может быть прочитано как IANO (Иахо) (т.е. на латинский манер), и которое евреи полагали невыразимым. Автор «Трактата об истолкованиях» говорит: «Египтяне выражают имя Верховного Божества семью греческими звуками IENΩΟΥΑ[1], что в достаточной степени объясняет могущественный потенциал, приписанный этой формуле имеющим посвящение автором текста Pistis Sophia, равно как сейчас изучается и их часто встречающееся появление на талисманах.

Равви Тарфон (Трифон), который мог бы вспомнить Второй Храм, отметил, что Несказанное Имя, хотя и используемое сотни раз в процессе ежедневного богослужения, было «весьма распевавшимся и изрекаемым». Столь тонкий намек – как указание на то, как гностики связывают между собой мягкие гласные звуки – позволяет нам приблизиться к произносимому, а также к еще произнесенному звуку. С момента разрушения Храма это Имя никогда нельзя было услышать во время молитвы или произносимым вслух. Оно и в самом деле сообщалось каждому раввину после его рукоположения, но не полностью. Одна его половина сообщалась, тогда как оставшаяся он оставлял для себя.

Первая идея «Несказанного Имени» и всех его неотъемлемых качеств, очевидно, восходит к египтянам (откуда ее и позаимствовали евреи) из индуистской доктрины, почитавшей аббревиатуру АУМ – которая сама по себе, подобно АΙΩ, является трехбуквенной – представляющую Триаду: ‘Брахма – Вишну – Шива’, причем А обозначает Творца, У – Хранителя, М – Разрушителя. Связь между индийской и египетской мифологиями очевидна, однако сложно, опираясь на чистый санскрит, сосчитать имена основных божеств последних. Так, Исида означает на этом языке Хозяйку, Тат и Сат – Добродетель и Силу, Серапис, Шрипа – Кровопийцу, Нил – Голубую воду и т.п. Изначальная идентичность этих двух религиозных систем не подвергается сомнению никем, кто разумно изучал памятники каждой из них, но – какая из стран обучала другую?

Баланс вероятностей четко склоняется в сторону Индии; сужение этой специфической системы в пределах узких границ Египта символизирует то, что она была привнесена колонией из некоего очень отдаленного источника. Следы очень древней связи между этими двумя странами заметны в истории, хотя и чрезвычайно смутно. Плавание по Красному морю гласит, что еще во времена Цезаря город Эндемон на побережье был тем перевалочным пунктом, в котором ежегодно встречались индийские и египетские торговцы. В доисторические времена, следовательно, вполне можно было представить себе, что миссионеры брахманизма могли работать среди аборигенов долины Нила. Эта религиозная аналогия проявляется в наиболее значимых деталях, как в сакральных титулах, так и в атрибутах. Например, также как брамины учили, что каждая из букв А, У и М содержит в себе великую тайну, так и Pistis Sophia («Молитвы Спасителя», 358) истолковывает I, A, Ω как сумму всего Гнозиса или валентинианского Символа веры. «I обозначает Всё уходит, A – Всё возвращается, Ω – Грядет конец концов. Таким образом и выражаются основные доктрины Эманации, Возвращения и Поглощения или, точнее, обратного растворения Вселенной[2].

Но вернемся в Грецию: подобно тому, как Абракасас есть ни что иное, как нумерологический титул Солнечного бога, также и Иао в действительности делает его явление эпитетом этой же божественности. Макробий, кстати, разрабатывал идею о том, что поклонение Солнцу в действительности было единственной религией язычества, «под каким бы именем оно ни появилось». Таково его очень важное замечание, которое он оставил нам. Аполлон Клеросский, обсуждая истинную природу Бога, названного Хаосом, дает следующее пояснение:

*Святыни изучаешь ты, ничто не сохраняя в тайне,
Ложь, что мала, явит большую осторожность;
Считая Иаоса превыше всего,
В зимнем Плуtone, в весеннем Юпитере, что отверзается,
Феб через жаркое лето повелевает днём,
Пока осень владеет мягким колебаньем Иаоса[3].*

Здесь мы находим Иао отчетливо опознанным в качестве имени Верховного Бога, физическим проявлением которого является Солнце. К тому же, Орфей добавляет в этот список божеств Диониса или Бахуса, и он поет:

*Юпитер, Плутон, Феб, Бахус –
Все они суть Единый.*

Отдельно понять это мы можем через основной принцип брахманизма, гласящий, что все различные божества, между прочим, являются воспроизведениями различных атрибутов Единого. Та же самая истина необычайным образом выражена в талисмани (из коллекции Герца), который в то же время устанавливает тройственную природу Верховного Божества, чей зримый образ – Солнце. Этот талисман, имеющий форму сердца – кусок базальта с выгравированными на нем сидящими фигурами Амона и Ра (или Зевса и Гелиоса у греков) со священным Аспидом, возвышающимся между ними. На оборотной стороне талисмана находятся инвокации, аккуратно выгравированные в символах, использовавшихся в третьем веке:

*EIC BAIT EIC AΘΩP MIA TΩN BIA EIC ΔE AXΩPI
XAIPE PATEP KOCMOΣ XAIPE TPIMOPΦE ΘEOC –*

*Есть Единый Баит, Единый Афор, их силы равны; есть Единый Ахори.
Славься, Отец Вселенной, славься, Бог в трех формах!*

Необходимо сказать несколько слов для объяснения имен этих трех фигур. Что касается сокологлавого Ра, Горуполло приводит свое истолкование данного образа: «Сокол символизирует Верховный Разум и разумную душу. Сокол на египетском языке назывался «Байет», от Бай – душа, и йет – сердце, орган, который они [египтяне] считали неким костюмом, одеянием души». А теперь – важное объяснение, касающееся формы, в которую был отлит этот талисман. Ахореус, добродетельный священник, последний из советников Птолемея (см. Лукиана), выводит его имя из Священного Змея, призываемого здесь.

Этот Иаос распознавался греками в качестве эпитета Солнца в дни осеннего равноденствия, что и было показано Макробием. Философские истолкования античной мифологии, явленные в Дионисе, также является лишь видом того же самого светила: «Единый – это Зевс, Гадес, Гелиос и Дионис». В оракуле, цитированном Юлианом, последнего замещал Серапис: ведь нельзя забывать о том, что основным объектом в цитированном выше исследовании Макробия должно быть доказательство того, что Серапис является представителем различных сил Солнечного божества, объединенных в едином образе. А достижению того же эффекта служит знаменитый апостроф Вергилия:

*Vos, O clarissima mundi,
Lumina labentem qui coelo dictius annum,
Liber et alma Ceres!*[4],

где «Бахус» и «Церера» всего лишь истолкования Осириса и Исиды, Солнца и Луны. Именно в этом и заключается причина наделения Бахуса рожками в некоторых из его статуй.

“Accedant capiti cornua Bacchus eris”[5] – говорит Сапфо Фаону. Ибо в древнееврейском языке излучающая и трубящая голова выражена одним и тем же словом. Когда Моисей спустился с Горы, “cornuta erat facies ejus”[6], по версии Вульгаты, и во имя усугубления этого неверного перевода христианское искусство всегда славilo иудейского законодателя именно этими придаточными.

В самом этом титуле – Иао – несомненно, находится источник всеобщего убеждения античных мыслителей в том, что Иегова евреев, чье имя было, таким образом, выражено греческими буквами, был не более чем египетским Бахусом. Они находили серьезную поддержку этому мнению в факте существования Золотой Лозы, составлявшей единственное зримое украшение Храма, в «дуновении труб Новолуния» и в обычае устраивать Храмовые Празднества в хижинах, сделанных из древесных суков с листьями, празднества, сопровождавшиеся многими церемониями, которые использовались в дионисийских празднествах у греков: “*Quia sacerdotes eorum tibia tympanis concinebant, hedera vinciebantur, vitisque aurea templo reperit*”[7] (Тацит, «История», v. 5). Это мнение, касающееся истинной природы еврейского поклонения, Тацит цитирует как нечто, использовавшееся учеными в его собственные времена. При этом сам он не находит это объяснение удовлетворительным, хотя бы просто потому, что угрюмый и асоциальный характер этой религии, кажется, должен дезавуировать ее склонность к радостному поклонению «богу вина», единственному персонажу, в котором римляне распознавали Бахуса. Тем не менее, данная античная теория нашла сторонников и в наши времена, особенно у д-ра Стэнли, ректора университета Св. Георгия Мученика, который (что вовсе не обернулось большим скандалом для его легкомысленного поколения) защищал эту гетеродоксальную точку зрения в своем детально проработанном трактате – вгоняющем в краску, постыднейшем тексте «Эссе и обзоры». Весьма смешно, что немецкие евреи всё еще празднуют Праздник Пурима и Падение Царства Хама, «по-царски» напиваясь так, как только могут и, таким образом, до настоящего времени делают всё, что в их силах с тем, чтобы увековечить это старое римское заблуждение. Среди более поздних гностиков, в самом деле, некоторые ритуалы были безошибочно позаимствованы из вакханалии, своеобразно модифицированной христианской доктриной. Епифаний (Haeres. xxxvii) отмечает то обстоятельство, что «они держали ручного змея на груди или священный ковчег и сложенные листья на столе перед этим ритуалом, а затем призывали Змея. После этого, открывая сам ковчег, он мог войти, взобраться на стол и опоясаться листьями, которые они разрезали на кусочки и раздавали молящимся, называя их своим «Совершенным Сокровищем» и своей «Евхаристией».

Еще одно объяснение, касающееся истинного характера бога, названного Иао, не следует замалчивать, уже хотя бы потому, что есть ряд оснований доверять ему, учитывая, что в его пользу говорит ученый авторитет историка гностицизма Жака Маттера. Луна для египтян, как и для восточных народов сегодняшнего дня, была существом мужского пола и фонетически обозначалась именем Аах или Иох. Тот иногда отождествлялся именно с этим божеством, поэтому эмблема Тота, Ибис, сопровождаемая полумесяцем, содержит в себе легенду Иоха «поскольку (говорит Плутарх) Меркурий достигает луны в ее путешествии вокруг земли, также как Геркулесов Бот – вокруг Солнца». Когда Тот, Тат, является в виде Меркурия, у него голова ибиса, но в данном своем качестве лунного бога, или *Deus Lunus*, он являет лик человека, поддерживающего лунный полумесяц, покрывающий солнечный диск и увенчанный двойным плюмажем.

Здесь уместно будет привести замечание, сделанное Плутархом, что «египтяне называют Луну Матерью Творения и говорят, что она двупола»; тот же самый эффект Спартиан (Сагасалла, vii) объясняет тем, что египтяне в мистериях называют Луну мужчиной, однако в обычной речи упоминая ее в женском роде. Он добавляет, что народ Каррхала (прославленный во имя сего великого храма Лунного Божества) полагает, что «всякий мужчина считает, что Луна должна упоминаться в женском роде и олицетворять рабство женщины, в то же время, считая, что Луна должна быть мужским божеством, повелевающим его женой и защищающим его от любого женского вероломства».

Очень существенной причиной для того, чтобы считать современников Спартиана носящими на своих круглых печатях достоверные изображения каррхальского бога, этакой юности во фригийском колпаке, является его бюст, крепящийся на полумесяце, носящем его имя. Этот элегантный феминизированный лунный гений не более истинен, чем осовремененная и «вкусная» версия бывшего мрачного ассирийского «Греха», обрисованного в памятниках Ниневии, подобно тому, как старец опирается на свой посох, плывя по небесам на полумесяце, являя собой нелепое напоминание о популярной у нас идее «человека на Луне». Голубая Халкедония, в моем представлении, блестяще иллюстрирует плутарховское имя «Матери Творения». Он – совершенная фигура гермафродита, носящая египетский головной убор и четко отражающая его двуполоую природу: ниже вьюнков находится улитка, увенчанная бабочкой, широко известные эмблемы сладострастия и жизни, источника размножения. Всё это подводит нас к теории Маттера (основанной на утверждении Оригена), что Иао, Адонай и Саваоф обозначали гениев Луны, Солнца и Планет Солнечной системы – будучи намного менее сильными и даже антагонистичными Абракрасу, который является действующим представителем Наивысшего Источника Света. Поэтому Маттер объясняет нам то воинственное отношение, при котором Бог-Абракас регулярно изображался совершающим некий чин запугивания Врага, или демона, Иао, который выражался только лишь своим именем, помещенном в самой нижней части этой сцены, чтобы указать на его более низкое положение.

Доктрина, упомянутая Оригеном, была, чего нельзя отрицать, доктриной более новой секты, которая ставила себя превыше всей старой египетской или еврейской традиции; однако она, вне всякого сомнения, не вела своего происхождения от огромной массы примитивных гностиков-каббалистов, которые измышляли и помещали свою веру в оккультных символах, которые они завещали нам в столь фантастическом изобилии. Эти изготовители талисманов, очевидно, оказывали Тоту и Моисею равные почести: они никак не реагировали на валентиниан, у которых был очевидный мотив для прославления своей вновь открытой, невидимой Тетрады через столь неизмеримо более низко (в сравнении с ней) павших, наиболее когда-то почитаемых, имен старой религии. Валентиниане были греками по образованию, в действительности ведя свою линию посвящения от Пифагора и Платона и лишь чрезмерно наслаждаясь возможностью выместить свою природную злость на наиболее пестуемых идеях каббалистов Александрии, которые и были основными производителями наших талисманов, их подлинных “Pierres d’Israel”[8].

Pistis Sophia довольно длинно представляет – в качестве наиболее важного персонажа в своих сюжетах о суде над душой и ее очищении – «великого и благого Иао, властителя Средней Сферы», который, смотря вниз, в Места Мучений, побуждает заключенные в них души обрести свободу. Само расположение этих слов на наших талисманах четко поясняет, что Адонай и Саваоф суть равные Абракрасу имена Иао, который является богом, действительно представленным символической фигурой всех этих слов вместе взятых. Что же еще могло быть мотивом для их сочетания в молитве, подобной этой (на гемме, опубликованной самим Маттером) – «Иао, Абракас, Адонай, Святое Имя, Святые Силы[9], защите Vibia Paulina[10] от всякого злого духа»? И вновь те же самые имена без конца встречаются соединенными воедино и следующими за обращением: ΑΒΛΑΝΑΘΑΝΑΛΒΑ, «Ты – Отец Наш», ΣΕΜΕΣ ΕΙΛΑΜ – «Вечное Солнце»; способ почитания, который, вероятно, не мог быть применим к сущностям противодействующим, даже с намного менее антагонистичной друг другу природе. Кроме того, если бы Абракас был исключительно оппонентом и сокрушителем Иао, было бы абсурдом помещать эти имена двух сущностей в столь тесной связке, причем последнее имя даже берет верх; каждая из них также равно упоминаема в сопутствующей молитве и прославляема теми же величавыми эпитетами. Более того, составная фигура, или Пантеус, который, с чем соглашаются все писатели, и представляет собой истинного бога Абракаса. Его намного чаще помещают рядом с именем ΙΑΩ, чем с

именем АВРАСАЕ, и, тем не менее, хотя предыдущее имя остается в одиночестве, оно следует за тем же самым прославлением «Ты – Отец Наш» и т.п., подобно тем случаям, когда оба этих имени запечатлены в непосредственном соседстве. Более того, весьма противоречащим всем правилам символизма является представление одного из персонажей сцены в виде соответствующей ему фигуры или эмблемы, тогда как указание на другого персонажа дается лишь буквами его имени. Точно также противоречит общему смыслу описание фигуры бога через имя его противника, помещенное в наиболее заметный уголок этой живописной сцены. Абсурдность этой ситуации столь же огромна, как если бы в христианском искусстве кто-то стал бы рисовать распятие с именем Сатаны в месте святого I.N.R.I., а в качестве объяснения привел бы враждебность этих двух персонажей. И, наконец, уже было показано, что нумерологическая или каббалистическая ценность имени Абракасас напрямую апеллирует к персидскому имени бога, «Митре», Владыке года, которому поклонялись с древнейших времен под именем Иао. Сам Маттер публикует (Pl. iii2) гемму, которая должна убедить его в ошибке, чтобы он не проглядел силу ее легенды. Образ Хора, сидящего на лотосе, вычерчивает АВРАСАЕ ΙΑΩ – обращение, являющееся прямой параллелью с часто упоминаемым ΕΙΣ ΖΕΥΣ ΣΑΡΑΠΗ на современных языческих геммах; и поэтому единственно верным переводом здесь было бы «Абракасас – Единый Иегова».

Это «Великое Имя» с его обычными титулами зачастую стоит исследовать как подвергнувшееся – стараниями гностика – некоей интерполяции в труды лучшего периода этой религии и ее верования, но чьи субъекты при этом были вымышлены аналогично идеям, переданным Иао Пан-Теосом; подобно Фебу в его колеснице, Лев является Домом Солнца. Сфинкс является эмблемой царской власти, а Голова Горгона – символом Разрушительной Силы, или Провидения[11]. Однако наиболее интересным из столь адаптированных образов, которые, по моему разумению, безошибочно обрисовывали божество, в действительности понимавшееся под именем Абракасас, является труд, открытый мною лично среди собрания одной небольшой частной коллекции (Bosanquet). В ней мы видим знаменитого Пантеоса с головой петуха, панцирным телом и змеевидными ногами, размахивающего кнутом и управляющего колесницей Сола[12], а также ее законного пассажира, Феба. В месте для надписи написано приветствие САΒΑΩ, «Славься!»: на оборотной стороне, в картуше, отчеканенном свернутым кольцом змеем подобно тому, как индуисты пишут Несказанное Имя АУМ, выгравирован титул АВРАСАЕ, подтверждающий, что имелось в виду лишь это божество и что именно его и следует понимать как Владыку Солнца.

Из книги Чарльза Кинга «Гностики и их наследие» (1887).

© Предисловие и перевод - Алекс Мома.

© Thelema.RU

[1] Согласно Талмуду, Имя Божье, которое было связано лишь с наиболее благочестивыми священниками, состояло из двенадцати букв. И на наших талисманах гласные звуки, составляющие имя ΙΑΩ, часто находили повторявшимися для того, чтобы скомпоновать это число; откуда и можно заключить, что их сочетание представляло собой тот же самый несказанный звук. В том же пассаже упоминается другое Имя Бога, состоящее из 24 букв, которые, наоборот, могут служить для подсчета строк, состоящих из часто повторявшихся гласных звуков, чтобы их просто обнаружили и учли. Данте намекает на любопытную традицию, согласно которой имя Бога, открытое Адаму, было Ι, которое в последствии изменилось на Илий (ELI):

*Pria ch'in scendessi all' infernale ambaschia,
I s' appellava in terra il sommo Bene,
Onde vien la letizia che mi fascia.*

*ELI si chiamo; poi, e cio conviens,
Che l'uso dei mortali e come fronda,
In ramo, che sen va, ed altra viens.*

(«Рай» Божественной Комедии Данте Алигьери, ххvi 133–138).

Русский перевод Михаила Лозинского гласит:

*Пока я не сошел к томленью ада,
'И' в дольном мире звался всеблагой,
В котором вечная моя отрада;*

*Потом он звался 'Эль'; и так любой
Обычай смертных сам себя сменяет,
Как и листва сменяется листвою.*

Помимо многочисленных книжных изданий этого перевода, в наиболее удобочитаемом виде, хотя и без указания имени переводчика, он опубликован также на сайте <http://infolib.info>. – А.М.)

[2] Здесь имеет место ошибочная аналогия с брахманистским определением Бога как «Самосущего, Вечного, Верховного Существа, которое суть Причина всего и в котором всё, в конечном счете, растворится»?

[3] Αβρον 'Ιαω, чей эпитет кажется намеком на имя Абрахас, столь глобально связанное с ним.

[4] Перевод этой строки Энеиды Вергилия: «Приди, О сиятельнейший в мире светоч, круглый год к небесам обращенный, Либер и благая Церера». – А.М.

[5] «Accedant capiti cornua Bacchus eris.....». – А.М. ("И ты явишься, прекрасный как Бахус" - Послания Овидия XV, 24).

[6] «...cornuta erat facies ejus». Кинг, очевидно, не совсем верно цитирует Вульгату. По крайней мере, в версии, изданной в 1849 году и бывшей «в его времена» вполне легитимной (Biblia sacra Vulgatae Editionis, Sixti V. et Clementis VIII; Romanorum pontificum Jussu Recognita Atque Edita, Editio Nova, Versiculis Distincta), ныне же сохраненной на сервере books.google.com, мы читаем иное: "Cumque descenderet Moyses de monte Sinai, tenebat duas tabulas testimonii, et ignorabat quod cornuta esset facies sua ex consortio sermonis Domini". См. Исх. 34.29: «Когда сходил Моисей с горы Синая, и две скрижали откровения были в руке у Моисея при сошествии его с горы, то Моисей не знал, что лице его стало сиять лучами от того, что Бог говорил с ним» (цит. по Синодальному изданию, перепечатанному в 1964 году изд-вом "The Judson Press"). Курсив везде мой. – А.М.

[7] «Quia sacerdotes eorum tibia tympanis concinebant, hedera vinciebantur, vitisque aurea templo reperit». – А.М. ("Их жрецы издавна пели хором под звуки флейт и тимпанов, опутывали себя гирляндами из хмеля, а в храме были найдены золотые лозы" - Корнелий Тацит. История. Книга V, 5.).

[8] Франц. камней Израиля – А.М.

[9] Параллель с этой формой всё еще существует на турецком амулете, составленном из 99 эпитетов Аллаха, написанных на бумаге, причем люди верили, что они обладают благодатной защитной силой. Дух всех восточных религий – прославление одного объекта восхваления посредством осыпания его множеством принадлежащих ему титулов, выражающих различные его атрибуты. Амулеты этого и различных иных видов регулярно продавались в мечетях.

[10] Лат. *Vibia Paulina* – Вибии Паулины. Как нетрудно догадаться, это римские имена собственные. – А.М.

[11] Это святое имя часто добавлялось к инталиям иностранного происхождения только ради их чаемого возвращения на талисманы, например, на обратную сторону гелиотропа с Викторией, вырезанной на щите (R.S. Williams, Utica, U.S.).

[12] Точно также как Серапис (тж. вид Солнечного бога) делает свое появление на александрийской монете Хадриана, которого мы уже цитировали (глава «Геммы Абраксаса»). Бог дает благословение своей правой рукой и держит скипетр в левой. На другой монете того же императора он сидел на Овне, четко обозначающем Солнце в этом знаке и, возможно, не имеющем более глубокого смысла, чем указание на месяц, в который эта монета была отлита.